

D.A. Rozevatov

**The Phenomenon
of Color Revolutions:
Sociocultural Aspect**

The article deals with the technology of preparing and carrying out color revolutions, as well as with the evolution of the phenomenon in the modern world. The author concludes that the symbolism of color revolutions was connected with the ideology of protest movements only at the initial stage of their advent. The political technology that is used in preparation of color revolutions is associated primarily with the commercial interests of the leading world powers.

Key words and word-combinations: color revolution, political technology, symbolic designation, protest movements, O. Henry.

Рассматривается технология подготовки и проведения цветных революций, а также эволюция этого феномена в современном мире. Автор делает вывод о том, что символика цветных революций отличалась идеологической наполненностью протестных движений только на первоначальном этапе. Политические технологии, связанные с подготовкой цветных революций, отражают прежде всего коммерческие интересы ведущих мировых держав.

Ключевые слова и словосочетания: цветные революции, политические технологии, символическое обозначение, протестные движения, О. Генри.

УДК 316.32
ББК 60.52

Д.А. Розеватов

**ФЕНОМЕН
ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
АСПЕКТ**

Политическая картина современного мира демонстрирует, что глобализация, к сожалению, не способствовала его стабильности. Знаковой приметой первых лет третьего тысячелетия оказались цветные революции, происходящие на всех континентах. Этим термином стали называть бескровный политический переворот, смену правительства под давлением оппозиционных сил. Относительно мирный характер событий обусловил их «мягкое» определение, чаще всего связанное с цветовой символикой. Такое «колористическое определение» революционных событий в той или иной степени связывается с национальным менталитетом, с культурными традициями народа. Цвет чаще всего более непосредственно воздействует на сознание, чем вербально выраженные определения, поэтому при экспорте революционных идей колористическое решение должно учитывать социокультурную наполненность цветового символа. Без знания этих и подобных им культурных факторов невозможно установление контакта, обеспечивающего воздействие на массовое сознание. Культурно-символическая наполненность, например, белого, черного, красного и голубого цвета в современном мире настолько сложна, что в рискованных ситуациях их предпочитают просто не называть, чтобы не спровоцировать взрыв возмущения. Нейтрально или положительно наполненный цветовой символ одной культуры

может вызвать категорическое непонимание и отторжение у представителей другой. Во многом именно поэтому «цветовому определению» революции придавалось столь серьезное значение.

Динамичная эволюция этого политического феномена частично изменила ситуацию. Однако нас в данном контексте интересует именно культурологический аспект цветового или цветочного символа. Не принимая во внимание случайные либо подражательные определения, остановимся на наиболее выразительных случаях. «Революцию гвоздик» (1974) в Португалии начали силовики, их поддержали сотни тысяч мирных жителей. Названием революция обязана такому событию: обычная продавщица Селеста Сейруш опустила гвоздику в ружейный ствол солдата на улице. Большинство политологов не включают «революцию гвоздик» в список цветных революций, так как ее начали военные, а не гражданское население, а также потому, что она проходила под социалистическими лозунгами, тогда как большинство имеет прозападную ориентацию. Однако символ революции — цветок вместо пули — настолько выразителен, что его нельзя миновать при определении сути явления. Уместно вспомнить Махатму Ганди и хиппи, которые раздавали на улицах цветы полицейским (flower power), или «жасминовую» революцию в Тунисе 1987 г. Жасмин считается в арабских странах женским, нежным цветком, и, скорее всего, этот символ должен был оказывать умиротворяющее воздействие на горячих арабских протестантов. В 1989 г. произошла «бархатная» революция в Чехословакии (некоторые исследователи отделяют цветные революции от «бархатной» по ряду критериев). Она началась со студенческих протестов, которые были жестко разогнаны силовиками. После слуха (впоследствии оказавшегося ложным) о гибели одного из протестантов начались массовые акции протеста. Давление оказалось настолько сильным, что парламент отменил статью о ведущей роли компартии, а к власти пришел писатель-диссидент Вацлав Гавел. Обозначение «бархатная» (то есть «мягкая», «нежная») подчеркивает мирный, бескровный характер событий.

Собственно, отсутствие жертв во время смены правительства и дало толчок к цветному и цветочному определению таких «революций». В Грузии в 2003 г. проходила «революция роз», или «розовая революция». Массовые протесты были вызваны выборами, на которых ожидаемую уверенную победу одержал действующий президент Эдуард Шеварднадзе. Международные наблюдатели не признали результатов выборов, и это усилило активность протестующих. Роза считается в Грузии национальным цветком, так как часто встречается на полотнах Нико Пиросманишвили (именно он — художник, подаривший актрисе Маргарите «миллион алых роз», упоминаемых в популярной песне). Роза вообще многозначный символ, она связывается в числе прочих прочтений и с образом Богородицы, и с понятием абсолютной красоты и чистоты. Шипы на розе в рассматриваемом нами случае символизировали защиту от внешних врагов, а именно в таком качестве преподносилась тогда Россия. В 2004 г. «оранжевая», или «апельсиновая», революция случилась на Украине. Схема та же: несогласие с результатами выборов, непризнание их итогов международными наблюдателями, массовые протесты, затем палаточный лагерь на майдане Незалежности, беспрецедентный третий тур выборов и смена прези-

дента. Выбор оранжевого цвета для символического определения тогдашних событий не является случайным. Это — самый редкий цвет в природе, то есть он ни с чем не может сливаться (скафандры первых российских космонавтов и жилеты дорожных рабочих оранжевые).

Исследователь Е. Пономарева считает, что притягательность этой революции во многом обусловлена именно цветом. Она приводит слова Гете, автора теории цвета, о том, что оранжевый — цвет блаженства, жара, накала, но без излишней агрессивности красного. Активная сторона оранжевого цвета связана, по Гете, с его высочайшей энергией: «...достаточно пристально посмотреть на вполне желто-красную поверхность, чтобы показалось, что этот цвет действительно врезался в наш глаз. Он вызывает невероятное потрясение» [1, с. 10]. Однако в связи с последующими событиями оранжевый цвет стал наполняться резко отрицательным значением.

«Тюльпановая» революция свершилась в Киргизии (2005 г.). Два тура выборов — 27 февраля и 13 марта — совпали с временем цветения тюльпанов в степях. Схема осталась неизменной: несогласие с результатами выборов, массовые акции протеста по отношению к правительству Акаева. Вначале символом революции хотели сделать желтый тюльпан, но желтый цвет символизирует разлуку, и остановились на красном тюльпане. Некоторые аналитики [1, с. 90] полагают, что этот символ отсылает к существовавшей в Турции традиции: в праздник тюльпанов наложницы из султанского гарема, желавшие родить наследника, дарили ему красные тюльпаны. Таким образом, символ наполняется дополнительным значением: тюльпан — это образ уже не наложницы, но еще не жены, у которой все самое прекрасное в будущем. В 2005 г. состоялась попытка использовать проверенную схему для осуществления цветной революции в Узбекистане; в 2006 г. — попытка «васильковой» революции в Белоруссии. Полевой цветок василек, очевидно, должен был опосредованно воздействовать на патриотические чувства белорусов, вызывая в сознании родные пейзажи. Сами оппозиционеры называли ее еще «джинсовой», стремясь подчеркнуть общенародный характер: джинсы носят все; понятно в таком контексте и совпадение цвета (синий). В 2008 г. предпринята попытка «абрикосовой» революции в Армении; в 2009 г. — цветная революция в Молдавии; в 2010 г. — вторая киргизская революция (Народная Революция в Киргизии 2010 г.). С ее обозначением так и не смогли определиться: называли революцию «дынной», «лимонной», «тюльпановой» одновременно.

Попытка организации протестных движений в России и придания им масштабного характера связывалась с белым цветом. Однако символическое наполнение его настолько сложно, что белые повязки на руках манифестантов и их белые ленточки вызвали насмешки и, как следствие, снижение пафосности движения, несерьезное отношение к нему. В Европе белый цвет традиционно связан с абсолютно положительным началом, это цвет чистоты, невинности, юности, незапятнанности помыслов. Ироничное выражение «белый и пушистый» обыгрывает принципиальную некорректность присвоения этих качеств любым человеком. Тем более эта символическая наполненность оказалась неуместной в связи с агрессивным характером протестного движения. Таким образом, неудачно выбранный цветовой символ послужил одной

из причин развала, а не объединения внутри оппозиционного движения, как это ожидалось.

Однако с течением времени символика революций становится все более отвлеченной. Была попытка связать цвет и идейную сущность движения в Белоруссии («джинсовая революция»), но она не удалась. Неэффективным оказалось использование цветовой символики и во время «революции красных рубашек» в Таиланде (2009), где они противостояли «желтым рубашкам». На наш взгляд, это происходит потому, что технология подготовки и проведения цветных революций становится все более явной. В отличие от классических революций, которые связаны с глубокой перестройкой общественного сознания, политическим кризисом, экономической нестабильностью, цветные революции являются плодом несложных, уже достаточно отработанных политических технологий. Они являются практической реализацией некоей искусственно выработанной идеологии, которая формулирует новые ценности, новые смыслы.

В свое время научную теорию бескровного государственного переворота разработал ученый из США Джин Шарп. На официальном сайте Института имени Альберта Эйнштейна, который он основал, приоритетные направления работы определяются так: «Продвижение, изучение и применение стратегических ненасильственных методов в различных конфликтах по всему миру. Цели работы — защита свободы и демократии, недопущение политического насилия. Институт поддерживает исследовательские проекты в разных странах. В прошлом активно консультировал продемократические группы в Бирме, Таиланде, Тибете, Сербии, Белоруссии, в Прибалтике и на Палестинских территориях» [1, с. 90].

Все специалисты, исследующие это явление, утверждают, что основной движущей силой цветных революций являются групповые коммерческие интересы, народ же становится объектом манипуляций. В нейтрализации власти и стимуляции оппозиции активная роль принадлежит «внешнему игроку». Некоторые политики придерживаются мнения, что «все оранжевые революции были экспериментом, придуманным во внешних лабораториях» [2, с. 16]. Появился даже термин переворотмейкер [3, с. 2].

Основная схема такова: готовится харизматичный кандидат, обаятельный, обладающий выигрышной внешностью. Желательно (но не обязательно), чтобы он получил образование на Западе. В зависимости от обстоятельств он может держать себя демократично, создавая образ близкого к народу и искренне озабоченного его проблемами человека. В Латинской Америке, в среде эмоциональных и артистичных народов важно приурочить «час X» к любому общественному событию, которому придается карнавальный характер в соответствии с особенностями национальной ментальности. Большинство присутствующих — «массовка», активно же задействованные лица, как правило, заранее сгитированы, завербованы и (или) подкуплены. Желателен какой-либо мелодраматический сюжет. Представители заинтересованных стран деморализуют местную элиту, для этого существует множество способов — шантаж, угрозы, подкуп.

Знаменитый американский новеллист О. Генри, работавший на рубеже XIX—XX вв., одним из первых красочно, точно и иронично описал цветную революцию в одной из латиноамериканских стран. Писатель прекрасно знал материал: он долгое время жил в Латинской Америке. В своем романе «Короли и капуста», а также ряде новелл он изобразил технологию подготовки и проведения такого переворота, причем с разных сторон. Писатель как будто читал книгу Шарпа и проиллюстрировал ее на художественном материале. Перед читателем выстраивается классическая схема цветной революции, в которой участвуют: заказчики переворота — богатые британские коммерсанты, финансово заинтересованные в смене правительства; харизматичный лидер — местный уроженец, получивший образование в Йельском университете; эмоционально заряженная толпа «статистов»; тщательно подготовленная армия; подкупленная администрация.

О. Генри адресовал свое творчество представителям городских низших классов, ориентировался на их эстетические вкусы и запросы, поэтому акцентировался на занимательности и сохранял интригу до конца, не раскрывая карты. Читатель пребывал в уверенности, что перед ним разворачивается просто любовная история, и финал с переходом власти к симпатичному герою оказывался для него обычной составляющей хэппи-энда, вознаграждением за страдания и старания. Между тем любовная история была тоже частью плана честолюбивого героя, прекрасно знающего менталитет своих соотечественников и обычные обывательские приоритеты — романтический сюжет в биографии неизменно располагает народ к лидеру.

Итак, О. Генри относит место действия в вымышленную латиноамериканскую республику Анчурию. Автор забавно и разнообразно сталкивает два менталитета: менталитет «латинос» и североамериканский менталитет [4]. В тексте не раз встречаются упоминания о том, что Анчурия ничем не отличается от десятков таких же карликовых государств на юге материка. Государственные перевороты здесь — обычное дело, и народ относится к смене власти спокойно, так как в его жизни не меняется практически ничего. Все диктаторы примерно одинаковы — для каждого из них власть является лишь средством для достижения собственных корыстных целей. Нынешний анчурийский диктатор Лосада возомнил себя настоящим правителем и решил, что может принимать самостоятельные решения, идущие вразрез с финансовыми интересами британской торговой компании «Везувий», закупающей в Анчурии фрукты. Лосада поднял оптовую цену на бананы, и, хотя можно было закупать их в соседней стране, где фруктов ничуть не меньше, английские коммерсанты не пожелали менять устоявшийся порядок вещей. Им оказалось проще сменить правительство, чем перезаключать договора.

Далее события развиваются по накатанной схеме: неизвестно откуда в Анчурию приезжает харизматичный молодой человек яркой и приятной внешности. Он ведет себя крайне демократично: целыми днями сидит в пивных, заводит массу приятелей, женится на местной красавице и приобретает репутацию «своего парня». Читатель только в конце романа узнает, что на самом деле герой лишь умело играл роль простодушного паренька: изучая поле

будущей деятельности, располагал к себе массы, вслушивался в суждения о нынешнем президенте. Подрывная деятельность героя остается «за кадром»: О. Генри умело ведет интригу. Автор лишь вскользь упоминает, что Дикки получал много таинственных писем и что деньги у него брались неизвестно откуда.

Сам переворот обставлен по возможности театрально: во время торжественного въезда Лосады со свитой в город Коралио. Герой, Дикки Малони, заранее позаботился о том, чтобы деморализовать президента, — вместо радостных приветствий народ встречает его угрюмым молчанием. Все разыгрывается по четко разработанному сценарию: генерал сообщает подготовленной толпе, что их любимец Дикки Малони — на самом деле Рамон Оливарра, сын предыдущего президента, убитого по приказу Лосады. Выборы, организованные по принципу народного веча, начинаются и заканчиваются тут же, на площади: народ криками поддержал молодого Оливарру, военные нейтрализовали охрану Лосады. Новый же президент, Оливарра-младший, «...обнаружил, что он действительно гениальный политик. Мановением руки он отдалил от себя стражу и сошел по ступенькам к толпе. Там, внизу, нисколько не теряя достоинства, он стал обниматься с пролетариатом: с грязными, с босыми, с краснокожими, с караибами, с детьми, с нищими, со стариками, с молодыми, со святыми, с солдатами, с грешниками — всех обнял, не пропустил никого» [5, с. 173].

Слово «популизм» во времена О. Генри еще не было в ходу, но понятие, как видно, существовало. Народ простодушно принял все происходящее за чистую монету и был в восторге. Но за событиями на площади наблюдают их спонсоры и заказчики — два представителя британской торговой компании. Их циничные комментарии придают происходящему совершенно иную окраску. Плотно сложенные господа с сигарами и в прекрасно сшитых костюмах воспринимают государственный переворот как спектакль, который они заказали хорошим исполнителям, и одновременно как азартную игру. Авторский текст красноречиво свидетельствует о том, что сам О. Генри относится к описываемым событиям так же: «Пока на подмостках разыгрывалось это действие драмы, рабочие сцены тоже не сидели без дела. Солдаты... окружили карету Лосады тесным кольцом и усаkali куда-то с диктатором. Очевидно, в заранее приготовленное место» [5, с. 173].

Игровая основа событий заранее задана автором: глава, повествующая о смене власти, называется «*Rouge et noir*» — по цвету поля при игре в рулетку. О. Генри обыгрывает эти цвета на нескольких уровнях: черноволосый герой ходит в ярко-рыжем парике и снимает его в решительный момент перехода власти, чтобы продемонстрировать сходство с отцом. Два британских наблюдателя комментируют это так: «Красное выиграло» [5, с. 173]. После того как дело закончено, два коммерсанта полностью раскрывают карты (черный и красный цвет мастей): «Вдова Оливарры была женщина состоятельная. После того как убили ее мужа, она уехала в Штаты и дала своему сыну образование. Компания «Везувий» разыскала его и оказала ему поддержку в этой маленькой игре». Капитан парохода замечает: «Как это хорошо в наше время —

иметь возможность низвергать президентов и сажать на их место других по собственному выбору». Представитель «Везувия» уточняет: «О, это чистый бизнес. Нынче бизнес управляет всем миром. Нужно же было как-нибудь понизить цену бананов, уничтожить этот лишний реал. Мы и решили, что это будет самый быстрый способ» [5, с. 174]. Таким образом, эту революцию можно назвать «банановой» по аналогии с «дынной» или «финиковой».

Позже, в новелле «Четвертое июля в Сальвадоре» («The Fourth in Salvador», 1903) О. Генри обыгрывает одну из особенностей латиноамериканских республик: «игрушечные», «пряничные» государства. Герои, несколько янки, наблюдают очередную революцию: «Из боковой улицы выехал на белом коне генерал Мари Эсперанса Динго, за ним следовало сотни две смуглых парней в рубашках красного цвета, босых, волочащих за собой ружья длиной футов в десять. Мы истошно заорали в знак приветствия, а генерал воинственно замахал саблей» [6, с. 883]. Друзья продолжали пить, но через несколько минут «на площадь выскочил галопом генерал Мари Эсперанса Динго, а за ним бежало все его воинство, освобождаясь от своих длинных ружей, как от ненужного балласта. А всех их преследовала рота возбужденных низкорослых воинов в голубых брюках и фуражках» [6, с. 884].

Во времена О. Генри еще не было термина «цветная революция», но он позиционирует участников гражданского переворота именно по цвету: друг другу противостоят «красные» и «синие». Цвет как семантический инструментарий революции апеллирует к архаичным пластам сознания, более древним, чем вербальный опыт. Латиноамериканцы как «естественные люди» лучше поддаются воздействию на зрительный анализатор. Но О. Генри этим акцентом наводит читателя на мысль о том, что две оппозиционные группировки в принципе ничем, кроме цвета одежды, не отличаются друг от друга. Эти цвета ничего не символизируют, потому что противостояние сторон лишено идейной наполненности. В сальвадорской революции вся оппозиция исчерпывается цветом штанов.

Как видим, О. Генри выводит во внешний ряд и делает крайне наглядной схему, которая через полвека совпала с результатами многолетних исследований, проводимых в специальных научных центрах и институтах. Но это — художественная литература, да еще и сатирико-юмористическая, базирующаяся на схематизации и гиперболе. Разумеется, в реальности все сложнее, хотя в принципе организация цветных революций и сейчас имеет те же основы. О. Генри довел их до сознания своих читателей, опираясь именно на цветовой символ.

Таким образом, цвет, точнее, его символическое наполнение играет не последнюю роль в формировании современной картины мира. К тому же оно может быть рассмотрено как серьезное коммуникативное средство. В современном мире, охваченном глобализационными процессами, социокультурное значение цветовых символов имеет важнейшее значение, в том числе напрямую связанное с понятием политкорректности или ее отсутствием. Поэтому особую актуальность приобретает наличие фоновых знаний, то есть понятие о национальных культурных реалиях, в числе которых видное место занимает цветовая символика.

Библиографический список

1. Пономарёва Е. Секреты цветных революций // Свободная мысль. 2012. № 1/2. С. 87–98.
2. Гапич А., Лушиников Д. Технологии цветных революций. М., 2010.
3. Аракелян Г. Цветные революции в контексте истории и зеркале современной политики // Академия Тринитаризма. М., 2014.
4. Розеватов Д.А. Литературная игра как композиционный прием в романе О. Генри «Короли и капуста» (1904) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2010. № 1. С. 40–42.
5. О. Генри. Короли и капуста: роман / пер. с англ. К. Чуковского // Избранные произведения: в 2 т. М., 1955. С. 5–188. Т. 1.
6. О. Генри. Четвертое июля в Сальвадоре: новелла // Собрание сочинений: в 2 т. М., 2010. Т. 1.

V.V. Suvorov

**Positive Image of the East
and the National Cultural Identity
in Russia (Second Half
of the XIX – Early XX Century)**

Ideas of “orientalism” about the cultural and historical unity of Russia and the East are considered. It is proved that since the end of the XIX century a positive image of the East played an important role in the self-determination of a part of the Russian society. The original concept of Russian immigrants – the Eurasianism, based on the consistent rejection of Eurocentrism, is analyzed.

Key words and word-combinations: the image of the East, Russia, Asia, “vostochnichestvo”, Eurasianism.

Рассматривается идея «восточничества» о культурно-историческом единстве России и Востока. Доказывается, что с конца XIX в. положительный образ Востока играл важную роль в самоопределении части российского общества. Анализируется евразийство – оригинальная концепция российских эмигрантов, основанная на последовательном отказе от европоцентризма.

Ключевые слова и словосочетания: образ Востока, Россия, Азия, «восточничество», евразийство.

УДК 008.001

ББК 71.4

В.В. Суворов

**ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ
ОБРАЗ ВОСТОКА
И НАЦИОНАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ
(вторая половина XIX —
начало XX века)***

Проблемы отношения к Востоку и определения национальной идентичности, возникшие в конце XIX — начале XX в., сохраняют особую значимость и для современного российского общества. Идентичность играет важнейшую роль в формировании общественного единства, сохранении его целостности, а также в выработке национальной и государственной идеологии, определении путей дальнейшего развития, разработке направлений внешней и внутренней политики.

Из-за нередкого пересечения и смешения национально-этнической идентичности и «цивилизационной» или «макрополити-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01298.